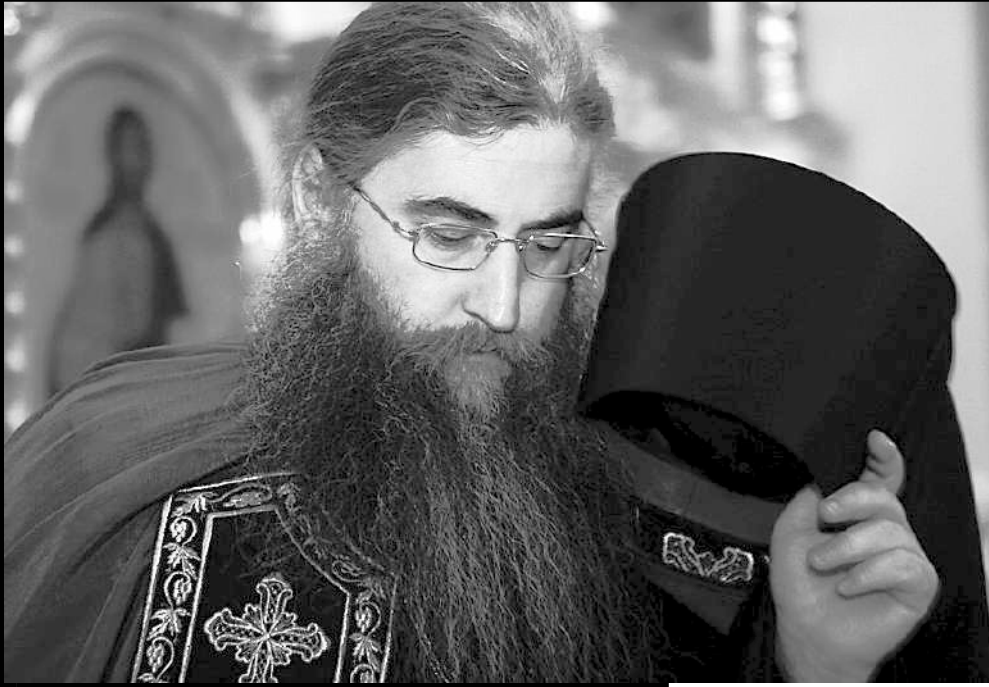

Епископ Саратовский и Вольский Лонгин (в миру Владимир Сергеевич Корчагин) охотно идет на контакт с прессой. Причем ни с одним изданием владыка не отказался говорить по причине, скажем, «антицерковных» публикаций или непристойной бульварщины. «Это ваша политика?» — спросила я епископа, и в ответ услышала: «Это мой долг». К открытости и доступности молодого (44 года) архиерея разные люди могут относиться по-разному. Кто-то скажет: да что вы, политика все это, вопросы влияния, пиар и тому подобное. А кто-то увидит в этом показатель: православная церковь в 21-м веке не намерена скрываться в высоких стенах от «мирской грязи».

ЕПИСКОП ЛОНГИН: «НАШ БИЗНЕС НЕ ДЛЯ СЛАБО- НЕРВНЫХ»

— Наша газета выходит в канун Крещения, первый вопрос — об этом празднике. Сотни саратовцев в ночь со среды на четверг ринутся на Волгу и с великим веселием станут окунаться в ледяную воду. В народе существует поверье: вода крещенской купели («иордани») смывает с человека все грехи, накопившиеся за год. А так ли это?

— Купание в проруби на Крещение — добрый, по сути, обычай. Но в отношении него произошла подмена понятий, к нему примешалась изрядная доля суеверий. За десятилетия жизни без церкви, без действующих храмов смысл многих церковных таинств стерся в памяти людей, и второстепенное заняло место главного.

Что нужно знать о крещенской воде? Это святая церковь и это — одно из видимых чудес церковной жизни. Она не портится длительное время, она помогает исцелению недугов души и тела. Но получает ли человек при купании в проруби оставление грехов? Нет. Оно возможно только в таинстве покаяния, только во время исповеди в храме. И это следует помнить.

— Впервые ступив на саратовскую землю, Вы, помните, сказали: «Мы — православная страна, пора на-

конец перестать этого стесняться»...

— Мои слова были направлены главным образом против всепобеждающего ныне понятия политкорректности. Используемые по всякому поводу и без повода либеральные клише, такие, например, как «Россия — многоконфессиональная страна» — они ведь не всегда верны. Россия — страна православная, это факт исторический, неотменимый, нравится это кому-то или нет. Общество и в особенности власть должны в достаточной степени это осознавать. Православием сформированы не только история и культура, но и душа, дух, тип народа; это база, на которой основываются наши реакции и сейчас, хотя далеко не весь народ воцерковлен. Но почему-то при этом татарин у нас с гордостью заявляет, что он татарин, следовательно, мусульманин, и это ничего кроме уважения к нему не вызывает, а когда нам говорят, что мы — русские, мы — православные, это почему-то вызывает поживание... Вот смысл моих слов в сжатом виде.

— Не так давно в Саратове, точнее, возле памятника Радищеву прошел митинг молодежи, озабоченной, по их словам, клерикализацией образования и клерикализацией общества в целом. Участникам митинга представляется, что религия из глубоко личного, частного дела (каковым она должна быть, по их разумению) становится делом государственным, что православие становится чем-то вроде государственной идеологии, а принцип свободы совести попирается. Что бы Вы ответили этим молодым людям?

— Эти молодые люди — они плохо представляют себе, против чего они выступают. На этом митинге был, помнится, лозунг: «Бог не в совете по делам религий, а в сердце». Я, допустим, не вышел бы сам с этим лозунгом на улицу, но я с ним полностью согласен и могу передать этим молодым людям свою полную солидарность. Опасения по поводу клерикализации преувеличены. Церковь не стремится к слиянию с госаппаратом. Русская Православная церковь на протяжении последних пятнадцати лет оставалась единственной силой, которая категорически противилась восстановлению совета по делам религий в каком бы то ни было виде — потому что этот орган с неизбежностью станет контролирующим органом. Что касается образования — совершенно не вижу клерикализации. Основы православной культуры в школах изучаются абсолютно добровольно, это ответ на общественный запрос, люди нас об-

этом просят. Там, где есть малейший признак протеста, нежелания, мы этого не делаем.

— Часто задаваемый и, как ни странно, многих волнующий вопрос: откуда у церкви деньги? Начиная с 1988 года и по сей день в городе и области капитально ремонтируются, возвращаются в первоначальный вид, а также вновь строятся десятки православных храмов. Это сотни миллионов рублей. Только пожертвования верующих? Или есть иные источники? В СМИ не раз и не два приходилось читать о бизнесе, контролируемом РПЦ. Существует ли такой бизнес?

— На самом деле денег у церкви мало. Я бы сказал, совсем нет. Я не знаю, почему, но именно Саратовскую область атеистическая власть как утюгом каким-то выгладила, к 37-му году здесь ни одного действующего храма не осталось, даже какого-нибудь кладбищенского. И совсем немного храмов нынче отремонтировано так, чтоб можно было сказать — храму возвращено его бывшее благолепие. Это я вам вполне профессионально заявляю. Процесс восстановления идет очень медленно и в основном — на пожертвования верующих, это те рубли, те копейки, которые люди приносят в храм, это свечки, записки, иконки, крестики. Кроме того, есть состоятельные люди, которые живут зачастую уже не в нашей области, но помнят о своей малой родине и помогают восстанавливать храмы.

Никакого церковного бизнеса, к сожалению, не существует. Да, к сожалению. Мне непонятно лукавство некоторых средств массовой информации, которые с восторгом живут в новом капиталистическом мире, приветствуют все его проявления, но встают при этом в такую странную позу по отношению к церкви. Ведь во всем мире традиционные профессии существуют именно за счет легального, не осуждаемого обществом бизнеса. Итальянская католическая церковь вполне легально владеет всей макаронной промышленностью Италии; что такое для итальянцев макароны — объяснять, я думаю, не надо. Католическая церковь Германии — собственник огромного количества недвижимости, включая памятники архитектуры, недвижимость предоставляется в аренду, таким образом содержится вся социальная структура церкви, католические школы, университеты, радиостанции... У нас ничего этого нет, к сожалению. Впрочем, наш российский бизнес пока еще не для слабонервных. В настоящих условиях бизнесом церкви лучше не заниматься, потому что не установились правила.

— Мэр — теперь уже бывший — города Саратова перед самым своим уходом с поста был награжден орденом во имя преподобного Сергия Радонежского; награду вручил Патриарх, но с Вашей, видимо, подачи — ведь именно Вам приходилось иметь дело с саратовским мэром. Оставим в стороне его личность; прессу легко назвать ангажированной. Оставим в стороне (хотя это сложнее в стороне оставить!) крайнюю запущенность вверенного г-ну Аксененко города. Но как сочетается вручение орденов, т.е. внешних знаков особого отличия в добрых делах с евангельским «Не творите милостыни перед людьми»?

— Да, мэр награжден, и с моей подачи, безусловно. Заповедь «не творите милостыни перед людьми» действительно дана тем, кто делает доброе дело, но там же, в Евангелиях, сказано, что надо за все благодарить. И потому не мэр творил милостыню перед людьми, а мы выражаем свою благодарность. Но я бы не назвал милостыней то, что делал Юрий Николаевич. Мы с ним очень хорошо, по-доброму работали, он содействовал возвращению церкви нескольких храмовых зданий, здания консистории (Радищева, 24 — М.Б.), и для меня это вопрос принципиальный — я считаю своим долгом его поблагодарить. Я вообще не считаю, что человека надо забывать сразу после того, как за ним захлопнулась дверь его кабинета. Любой политик сегодня должен помнить, что однажды станет бывшим.

— Главные проблемы, стоящие сегодня перед Русской Православной церковью, и перед епархией в частности, — каковы они, на Ваш взгляд? В материальной базе они или в духовных основах?

— Главная наша проблема — в том, что народ расцерковлен. То, что произошло с русским народом в 20-м веке, это действительно катастрофа, это потеря самих основ, фундамента бытия. Мы можем обозначить какие-то проблемы в качестве социальных проектов, но даже если мы вложим в эти проекты полный стабфонд — это ведь не изменит отношения людей к жизни. Если это отношение не христианское, если оно не обусловлено религиозно — то мы не заставим человека создавать семью; не заставим рожать детей, а родив их, воспитывать. Если человек с детства привык к мысли, что он родился для того, чтобы получить максимум удовольствия — он просто не будет заниматься такими скучными и хлопотными вещами. Давайте сопоставим цифры — за десять лет царствования Николая Второго население России выросло на 20 миллионов человек, за последние десять лет уменьшилось на 10 миллионов. Мы развенчали понятия чести, долга, самоотверженности, подвига, мы высмеяли эти понятия, потом спохватились — из нашей жизни уходит героизм, уходит любовь... Все это возможно только в религиозном обществе. В обществе, где существуют высшие ценности. Вот наша главная задача — восстановление нормальной жизни народа. Я бы сказал так — восстановление России. И мы не можем решать этот вопрос долго. У нас нет века на это. У нас есть максимум одно поколение, протяженность одной человеческой жизни. Дальше уже просто не с кем будет эту задачу решать.

— Я крестилась уже зрелым человеком несколько лет назад; и меня поразило безразличие священника, совершавшего таинство. Он не сказал мне ни слова, он не спросил, кто я, что я, почему решила принять крещение, он даже не поинтересовался, знаю ли я, по крайней мере, символ веры. Он не поздравил нас, крестившихся в тот день (а нас было всего трое — двое взрослых и ребенок), он не сказал нам ничего о произошедшем в нашей жизни событии, он смотрел сквозь нас... и у меня сложилось впечатление, что мы для него — то же, что клиенты для парикмахера. А Вы эту проблему видите?

— То, о чем вы говорите, и для меня тоже огромная боль. Плохо, когда священник становится продавцом услуг, но ведь есть и другая сторона медали — когда прихожане от-

носятся к священнику как к продавцу услуг, как к человеку, который обязан оказать им услугу. Ко мне приходят жаловаться на батюшку, который не допустил прихожанина до причастия. Но ведь это обязанность священника — не допустить, если человек не готов. Люди очень часто воспринимают церковь как магазин, как бюро ритуальных услуг. Мы вводим сейчас обязательное оглашение перед крещением — что это означает? Это означает, что священник должен побеседовать с человеком, объяснить ему смысл таинства, дать необходимую литературу, причем бесплатно. И это у некоторых вызывает недовольство: как так, почему передо мною какие-то препятствия? Мы устанавливаем в храмах купели для крещения полным погружением, и это тоже вызывает недовольство: зачем так, пойду в другую церковь, там креститься проще. Это неправильно, и мы должны это убеждение поколебать.

— Кстати, в любой из так называемых сект индивидуальное внимание, тепло и любовь получаемы человеком в избытке...

— Что касается сект — это просто правило маркетинга, это то же самое, что в каком-то дорогом магазине — покупатель в дверях встречает продавца-консультанта с улыбкой... В православной церкви такая коммерческая любовь не может прижиться, здесь отношение к человеку должно строиться иначе. К сожалению, священник у нас часто не справляется с нагрузкой, с напльвом верующих. Совсем недавно даже на такой город, как Балаково, был только один храм, и в нем служили три священника.

— Правда ли, что Вам пришлось изъять епархию от нескольких недостойных, несоответствующих сану священнослужителей?

— Да, такая проблема есть. Люди разные попадают. В начале девяностых, когда открывались десятки храмов, но не было даже семинарии, в церковь приходили случайные люди. Кое-кто отселялся, а от кого-то действительно пришлось избавиться. Лично мне пришлось изъять епархию от нескольких, это неприятно, но это тоже факт нашей жизни. Не все выдерживают, ведь служение священника — это очень напряженное и сложное дело. А людям свойственно привыкать — в плохом смысле привыкать — даже и к такому служению, как священническое. Кто-то спился, кто-то совершил поступки недостойные, я не хотел бы рассказывать подробно. Я часто цитирую слова епископа Игнатия Брянчанникова, сказанные им еще в девятнадцатом веке в ответ на упреки либеральной прессы: церковь подобна барометру; находясь в помещении, барометр безошибочно предсказывает погоду на улице. К существованию недостойных священников надлежит относиться со смирением. И искать хороших, конечно.

— Следует ли, на Ваш взгляд, венчать молодую пару, если будущие супруги имеют самое смутное понятие о вере и церкви? Если им нужно не таинства, а просто красивый обряд «чтоб запомнилось»? Не раз приходилось слышать, что делается это главным образом ради дохода...

— Я думаю, что этот вопрос требует индивидуального подхода. Следует побеседовать с молодыми, объяснить им, что такое таинство венчания, какие обязательства накладывает оно на человека, что такое жизнь супружеская с точки зре-

ния православной церкви. Можно обвенчать молодых, если они чувствуют и откликаются. Но если человек говорит священнику: что вы мне навязываете, мне ваши расуждения не нужны, я плачу вам деньги, венчайте — такому человеку, безусловно, следует отказать.

— Как Вы относитесь к реформаторским течениям в православии, например, к предложению перевести хотя бы часть богослужебных текстов с церковнославянского на русский язык? Очень многие люди говорят, что не могут участвовать в православном богослужении, потому что не понимают «монотонного чтения на незнакомом языке». Для многих именно это стало причиной перехода в другие конфессии: «Там все понятно, а у православных ничего не поймешь».

— К реформаторским течениям отношусь крайне отрицательно. Перевод богослужебных текстов невозможен. Церковно-славянский язык — это ведь не устаревший разговорный язык, а язык искусственный, технический, он создан специально для богослужения. Можно вспомнить слова Ломоносова о «высоком штиле книг церковных». Пока жива традиция церковно-славянского языка, невозможна гибель русского литературного языка, потому что церковно-славянский язык сегодня выполняет функцию утраченного высокого стиля, и это противостоит тому, что сегодня с русским языком происходит. Проблема же, о которой вы говорите — люди уходят в другие конфессии, потому что «у православных» не могут ничего понять, — я не вижу. Для современного человека освоить церковно-славянский язык, чтобы участвовать в богослужении, — дело двух недель.

— На Ваш взгляд, оправдано ли такое непереносимое требование к входящей в храм женщине: быть «покрытой», т. е. иметь на голове платок? Известные слова апостола Павла относятся к совершенно другому обществу, к совершенно другому и давным-давно минувшему укладу жизни.

— Апостол Павел был еще и против мужеложества — кому-то и это сегодня кажется устаревшим... Вот что важно понимать: если женщина добровольно (я подчеркиваю, добровольно) соглашается надеть платок, прежде чем войти в храм, — это знак того, что она принимает факт неправомерности. Да, мужчина и женщина неравноправны — в хорошем смысле слова. Они равноправны в смысле прав человека, конечно, но они не одинаковы, функция мужчины — одна, функция женщины — другая, прежде всего, конечно, быть матерью. Это не младшинство, нет. Это инаковость. При этом я совершенно убежден, что никакие традиции не должны ставиться во главу угла. Огромное количество людей входит в храм впервые, и если впервые вошедшую в храм женщину встречают вот таким образом — почему накрасилась, почему без платка, почему в брюках — она воспринимает церковь как систему запретов: так нельзя, эдак нельзя... Система запретов — это отвратительно и ни к чему хорошему не приведет. Некоторые вещи в человеке должны сами произрасти. Ведь наше внешнее поведение — это выражение внутреннего устройства. Чем правильнее внутреннее устройство, тем сдержаннее, благообразнее будет внешний облик. Вот почему начинать надо с воспитания чувств.

— То есть прихожанка должна дорасти до того, чтобы добровольно, по возникшему в ней чувству, надеть платок, сменить джинсы на юбку и т. д.?

— Конечно; но если она повяжет платок только из уважения к присутствующим, к их чувствам, то это будет уже духовным делом.

— Многих саратовцев беспокоит перспектива восстановления собора Александра Невского на месте нынешнего стадиона «Динамо»; когда это предложение прозвучало впервые, оно вызвало бурю протестов, причем возражали все: и верующие, и неверующие, и православные, и люди других вероисповеданий. В настоящее время епархия отказалась от этой мысли? Или видит все же такую перспективу?

— Я думаю, что вам звонили неверующие. Плохо представляю себе православного человека, который выступал бы против восстановления собора. Насколько я знаю, у православных, напротив, огромное желание его восстановить. Говорят о потере стадиона при этом, но не говорят и не пишут почему-то о другом стадионе, который заброшен и на месте которого строятся элитные дома. Необходимо восстановить храм и необходимо построить еще не один стадион в городе. В конце концов, мне неприятно то, что над телами моих предшественников катаются на коньках; а ведь там похоронены не только архиереи, но и саратовцы, погибшие в войне 1812-го года, это был мемориал, это связь между нами и той Россией, которую мы, увы, навсегда уже, видимо, потеряли. Вопрос восстановления собора — вопрос времени, но он не снят с повестки дня.

— Это может показаться смешным, однако — не где-нибудь, а на стене одного из саратовских храмов (на листе бумаги, естественно) я прочитала буквально следующее: «Православный христианин не должен держать в своем доме собаку, она оскверняет домашнюю церковь, находящиеся в доме иконы». Про кошек, а также хомяков, сурков и попугаев ничего при этом не было сказано. Во-первых, непонятно, чем отличается хищник семейства псовых от хищника семейства кошачьих. Во-вторых, что же это получается: уверовал, крестился — выгоняй верного пса на улицу либо просто усыпляет?

— Об этом листке я бы сказал так: ревность не по разуму. Правда, впрочем, что собака на Востоке издревле считалась нечистым животным: бродячие псы были санитарями, они поедали трупы тех, кого некому было хоронить. Вот почему собак традиционному не впускали в храмы и в дома. Ну а что касается милого домашнего песика... В нашей современной жизни какие-то вещи, сами по себе безобидные, извращаются. Собака ведь не в доме должна жить, а во дворе, она охраняет дом, и это вызывает к ней уважение. У нас же собака не только живет в доме, она зачастую занимает в нашей жизни место, ей не присущее. Церковь учит, что все должно быть иерархично. Бог должен быть на первом месте у человека, дальше — ближний, и лишь потом — животное; у нас же собака часто занимает место ближнего.

Беседовала
Марина БИРЮКОВА

ХЛЕБНАЯ ВЗЯТКА

Старший судебный пристав получил четыре года строгого режима

Бывший старший судебный пристав Краснокутского отдела судебных приставов ГУ ФССП по Саратовской области 34-летний Олег Сапрыкин признан виновным в покушении на получение взятки в особо крупном размере и приговорен к четырем годам строгого режима. Этот срок — ниже низшего предела: судья Владимир Великанов признал исключительной совокупность смягчающих вину обстоятельств. Сапрыкин ранее не судим, характеризуется кругом положительно, имеет маленького и очень нездорового ребенка...

Я не раз встречала таких вот молодых, положительных, образованных и способных людей, получавших какие-никакие должности и внезапно попадавших на крупные взятках. Каждый раз их было жалко, жалко было их жен, родителей, детей...И каждый раз было очевидно: молодой человек — жертва общественной установки, господствующей в обществе морали, когда взятка воспринимается не как преступление, а как норма отношений. Но оставим рассуждения, обратимся к факту.

Существовало такое ГУП ОПХ «Ждановское». Оно разорилось и готовилось к банкротству. На территории этого «Ждановского» имелся мини-хлебозавод, проще говоря, пекарня. Помещение этой пекарни принадлежало «Ждановскому», а содержимое (оборудование) некоему Беккеру; но оборудование тоже было описано за долги Беккера еще в 2003 году. В марте прошлого года судебный пристав, подчиненный Сапрыкина, пишет постановление о

УРОНИЛ ИЛИ ВЫБРОСИЛ?

Молодой отец признан виновным в покушении на убийство шестилетнего сына

32-летний шлифовщик СПЗ Алексей Петров признан виновным в покушении на убийство собственного сына. Точнее, в том, что, будучи нетрезв и рассердившись на ребенка за какое-то непослушание, умышленно выкинул его из окна третьего этажа на асфальт. Малыш остался жив, к счастью, но получил очень серьезные травмы: двойной открытый перелом руки, закрытую черепно-мозговую, многочисленные раны и ушибы.

В суде Петров признал себя виновным частично. Показал, что ребенок в тот день его рассердил: не слушался, капризничал, без спроса открывал окошко застекленной лоджии. Он, Петров-старший, решил сына испугать. Испугать именно перспективой падения — чтоб сын больше так не делал. С этой целью он схватил ребенка и высунул его из окна вниз головой. А вот втянуть назад не сумел.

«Даже если так — все равно этот папаша преступник», — скажет любой нормальный родитель. Однако... Если бы судья Олег Ляпин не увидел доказательств умысла (умысла именно выбросить ребенка из окна), Петров вышел бы из зала суда без конвоя и поехал бы к себе домой на Крекинг без всякой судимости.

По данным экспертизы, мальчику был причинен вред средней степени тяжести; причинение вреда средней степени ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ не является уголовно наказуемым деянием.

Но судья Ляпин учел показания соседки Петровых. Соседка была во дворе; если ей верить, она сначала слышала крики ребенка, потом увидела, что половина его тела свешивается из окна на улице; что ребенок цепляется руками за раму окна и таким образом сопротивляется отцу, который выталкивает его наружу, держа за ноги. Отец не предпринимал никаких попыток втянуть ребенка внутрь, показывала соседка, напротив, он вытолкнул его, а потом разжал руки, то есть бросил.

Увидев выходящего из подъезда отца, мальчик, по словам соседки, испугался, и еще сильнее стал кричать. Отец же был пьян и разогнал собравшийся народ: что вы, мол, тут столпились, ничего страшного не случилось.

Приехала «скорая». Врачу «скорой» малыш сказал, что папа избил его, а потом выбросил из окна. Иные показания дала мать пострадавшего мальчика. Ей, оказывается, со слов сына известно, что он выскользнул из папиных рук сам.

Поведение матери чудом не погибшего ребенка в этой истории несколько странно. Будучи законным представителем малолетнего потерпевшего в суде, она, по словам гособвинителя Эдуарда Лохова, заявила, что, если бы это было возможно, она просила бы судью прекратить это дело за примирением сторон. У нас, мол, все в порядке, мы папу простили.

Прекращение дела за примирением в подобных случаях невозможно, конечно. Алексей Петров получил от судьи Ляпина десять лет. Он обжаловал приговор, естественно; но и прокуратура написала кассационное представление: просит отменить приговор за мягкостью.

Марина БИРЮКОВА